

Книга серии
«Они защищали Отечество»

*Свидетельства воинов
о помощи Божьей
на войне*

ИЗ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ...

Главная награда

УДК 372.893
ББК 94

Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви
№ ИС Р17-707-0249

Редактор-составитель С.Г. Галицкий
«Из смерти в жизнь... Главная награда»
СПб., «Град духовный». – 320 с.

В первой части книги «Из смерти в жизнь. Главная награда» редактор-составитель Сергей Галицкий познакомит читателя с уникальными свидетельствами о помощи Бога и Его святых нашим воинам в реальных боевых ситуациях в Афганистане и на Кавказе.

О своём личном опыте от первого лица рассказывают заслуженные офицеры Вооружённых сил Советского Союза и России: Герой России генерал-майор ВДВ Г.В. Анашкин, Герой России майор МВД И.С. Задорожный, кавалер ордена Красного Знамени, ордена Красной Звезды и ордена Мужества генерал-майор медицинской службы В.О. Сидельников, кавалер двух орденов Красной Звезды полковник ВДВ В.В. Осипенко, кавалер ордена Красной Звезды и двух орденов Мужества, легендарный лётчик армейской авиации полковник В.А. Господ, кавалер ордена Мужества подполковник морской пехоты А.М. Лебедев, кавалер ордена Мужества и ордена Дружбы военный священник Димитрий Василенков и другие.

Фотография на первой странице обложки из фондов Музея ВДВ

ISBN 978-5-4380-0175-1
ISBN 978-5-519-66997-9

«Не в силе Бог, а в правде!»

*Святой благоверный князь
Александр Невский*

Сейчас в это трудно поверить, но даже в советской стране тотального атеизма офицеры-спецназовцы провозили через границу с Афганистаном православные крестики в самом надёжном месте – в партбилете. А вертолётчики зашивали иконки в воротники лётных комбинезонов. В критических ситуациях многие из них обращались к Богу с молитвами и получали Его благодатную помощь. А во время двух чеченских военных кампаний и пятидневной войны в Южной Осетии сотни российских солдат и офицеров приняли Святое Крещение прямо на позициях. В местах временной дислокации руками самих бойцов, часто из подручных материалов, возведены десятки православных часовен и храмов. И многие командиры, отдав боевой приказ, затем благословляли уходящие на задание группы спецназа.

До сих пор в войсках из уст в уста передаются рассказы непосредственных участников боевых действий о чудесном спасении из абсолютно безнадежных, с точки зрения канонов военной науки, ситуаций. Настало время собрать эти бесценные свидетельства заступничества Божьего и донести до тех, кто в них больше всего нуждается. И я верю и надеюсь, что каждый прочитавший эту книгу в критический момент вспомнит свидетельства своих ровесников о помощи Божьей в бою, обратится к Нему с молитвой и получит от Господа и Бога нашего Иисуса Христа благодатную помощь.

Сергей Галицкий

ОГЛАВЛЕНИЕ

«На войне главная награда — это жизнь...»	5
Командир полка	33
«Док»	89
Смертельный бой	171
Разведка боем	181
«Питерская» рота	217
Ангел-Хранитель	277
Преодоление	283
Бросок на Гори	295
Засада	309

«НА ВОЙНЕ ГЛАВНАЯ НАГРАДА – ЭТО ЖИЗНЬ...»

Войны без потерь не бывает. Но мы должны вечно помнить, прежде всего, тех офицеров-десантников, для которых в самых ожесточённых боях жизнь каждого бойца была такой же ценной, как своя собственная. Эти командиры, первыми влезая в самое жуткое пекло, последними садились в вертолёты при эвакуации, с замиранием сердца считая бойцов перед взлётом: все или не все?.. И отказывались улетать, если кого-то недосчитались. И искали, и находили – живыми или мёртвыми... Такие офицеры успех боевой работы всегда оценивали по формуле: «Задачу выполнил, бойцов сберёг». Именно о таком офицере ВДВ этот рассказ.

Полковник Владимир Васильевич Осипенко родился в городе Житомире. Закончил Киевское суворовское военное училище, Рязанское воздушно-десантное училище и Академию им. М.В. Фрунзе. После окончания училища проходил службу в полковой разведоте 7-й дивизии ВДВ

в городе Алитусе (Литва). В феврале 1984 года в должности начальника штаба батальона прибыл в Афганистан в 357-й парашютно-десантный полк 103-й воздушно-десантной дивизии. Через полтора года был назначен командиром батальона 317-го парашютно-десантного полка. Командовал гарнизоном в Шахджое. Заменился в июне 1986 года.

По окончании обучения в Академии им. М.В. Фрунзе вернулся на службу в 103-ю дивизию ВДВ на должность начальника штаба 317-го полка, затем командовал 357-м полком.

После развала Советского Союза полковник В.В. Осипенко год отслужил в Белорусской армии. Но когда речь зашла о белорусской присяге, принимать её отказался и отбыл в распоряжение Командующего ВДВ России. Был назначен командиром 36-й отдельной воздушно-десантной бригады, расположенной в посёлке Гарболово под Санкт-Петербургом, в 1996 году назначен заместителем командира 98-й воздушно-десантной дивизии (г. Иваново). После этого полтора года участвовал в миротворческой миссии ООН в Восточной Славонии (область на востоке Хорватии).

Награждён двумя орденами Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и другими государственными наградами, включая награды иностранных государств за участие в миротворческих операциях ООН.

В 1999 году уволился в запас. В настоящее время возглавляет «Союз ветеранов ВДВ Санкт-Петербурга».

Рассказывает полковник Владимир Васильевич Осипенко:

— Я спрыгнул с брони, и тут же килограммов по пять афганской грязюки, состоящей из скользкой глины, прилипли к каждому из резиновых сапог. Как ни берёгся, но сам с ног до головы тоже был в грязи. Даже автомат, который я держал на коленях и прикрывал собой, оказался заляпанным. Ехали долго, замёрз, как собака. Голова шумит...

Командир инженерно-сапёрного взвода встретил меня и с места в карьер стал меня «грузить»: «На заставе происшествий не случилось. Разрешите вопрос?». — «Что надо?». — «Разрешите камень взорвать? Механики задолбались о него днищем стучать. Комбат убрать приказал, а мы, сколько ни роем, а камень всё больше становится». — «Давайте, только аккуратно. Когда комбат вернётся?».

Слушая его ответ, я в то же время старался скребком содрать грязь с сапог. Наклонился — и тут меня повело. Что-то не так... В предбаннике штаба, пока раздевался, столкнулся с «доком». «Что-то вид у тебя не очень. Глаза, как у кролика. Как себя чувствуешь?». — «Спасибо, хреново». — «Ещё бы не хреново: тридцать девять и четыре!» — констатировал он через пять минут, измерив температуру.

В штабе чисто и натоплено. Я же, напялив на себя всё, что можно, и укрывшись одеялом, тряся всем телом от холода и громко стучал зубами. Через пятнадцать минут, наоборот, мне становилось жарко, градом ка-

тил пот, и хотелось раздеться. Док принёс трёхлитровую банку какого-то пошла на основе чая, аскорбинки и ещё какой-то гадости и велел пить. А что мне оставалось?..

В каком-то полузабытье я всё-таки про себя отметил, что сапёры третий час не могут справиться с камнем. «Это уже не сапёры, — просветил меня писарь, — это «духи» обстреливают». — «Из чего?!». — «Да никак не поймём, вроде мины, а крыльчатки нет».

«Духи» и есть «духи», что с них взять», — вяло подумал я и снова впал в полузабытье. Мозг урывками фиксировал изменения вокруг: стемнело, приехал комбат, зовут ужинать, не хочется... Я очередной раз приложился к банке и зарылся с головой под одеяло: опять начинал бить озноб.

Проснулся посреди ночи. Жутко не хотелось вылезать из постели, но терпеть было уже не вмоготу. Одел тулуп, валенки и потрусил по вымощенной камнями дорожке до «заведения». Подморозило. Ни ветерка и звёзды громадные. Только пристроился — над головой свист, и тут же разрывы внутри заставы!.. С секундной паузой ещё три или четыре... Да что же это такое!? Не дай Бог меня здесь накроет, позорище... У нас тут яма для стрельбы стоя с лошади, наполовину заполненная.

За дувалом слышу гвалт и ругань. И зарево какое-то. Наконец закончив, потрусил обратно. Застава внутри горит. Красиво так! Горят дорожки, крыши, деревья, глиняные стены, грязь и даже снег. По всей заставе горел фосфор, разбросанный щедрой, но не

доброй рукой. А по-настоящему горел только штаб. Все его обитатели во главе с комбатом скачут в неглиже вокруг и орут благим матом на общую тему: «Пожар! Спасай добро!». У комбата в руках почему-то моя банка. Я ещё туго соображал, поэтому остановился и смотрел на эту вакханалию со стороны. Вдруг все прекратили гвалт и с изумлением уставились на меня. Общее мнение выразил комбат: — «Ну, ты, Васильич, даёшь! Снаряд же попал тебе в кровать! Я тебя уже грешным делом... Как успел выскочить? Да ещё и одеться!..». — «Так усиленные тренировки и умище...».

Договорить мне не дали. Комбат запустил в меня моей же банкой и бросился спасать, что уцелело.

Когда удалось выбросить через окно весь фосфор, горящие постели и погасить пламя, увидели, что произошло. Три снаряда попали в нежилые постройки и на землю, а один — в дувал, к которому был пристроен штаб. Рикошетом от него снаряд пробил крышу, сделанную из снарядных ящиков и двадцатисантиметрового слоя глины, и влетел мне в кровать. Так что почти всё железо оказалось в ней. Кроме взрывателя. Он каким-то чудом оказался под подушкой у комбата — его кровать рядом. Хотя было 13 февраля, нам всем и особенно мне в ту ночь не сказано повезло: ни до, ни после этого случая я по нужде ночью не вставал, да нужно же было встать именно в эти три минуты!.. Вот тогда-то впервые прозвучали слова — реактивные снаряды...

«По вам работала реактивная установка. Найти и захватить! Кто захватит, представлю к «Герою». Иначе комбат и вы, начальник штаба, пойдёте под трибунал». Комдив, генерал Ярыгин, был лаконичен до безобразия. Нет, он ещё добавил, что мы бездельники, что «духи» у нас под носом табунами ходят и что если хотя бы один снаряд, не дай Боже, попадёт на аэродром... Но это уже детали.

Сидим с комбатом, Очеретяным Геннадием Васильевичем, морщим репы. Что это за такая реактивная установка? Маленькая «катюша», что ли? Как она выглядит, какие характеристики, откуда взялась и, самое главное, где её искать?

Что ещё жутко нам обоим не понравилось — так это та точность, с которой работала установка. С дальности никак не меньше двенадцати километров она умудрилась положить четыре снаряда в квадрат тридцать на тридцать метров. Рядом жилой кишлак, дувалы царандоя (афганская армия. — Ред.) и ХАДовцев (афганская контрразведка. — Ред.), но туда почему-то не попал ни один снаряд! Это не похоже на работу малограмотных «душков». Работал специалист.

Однако мы не угадали. Нет, не в смысле «специалист», а в смысле «работал» в прошедшем времени. По причине экстренной ликвидации последствий ночного пожара сидели мы с комбатом во дворе на солнышке и разговаривали, завернувшись в тулупы. Он был под впечатлением разговора с комдивом, а я потихоньку отходил от вчерашнего. Тихо, спокойно, солнышко пригревает.